

СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XVIII – НАЧАЛА XIX вв.

© 2011г. Надежда Николаевна Ефремова¹

Краткая аннотация: в статье в контексте анализа проблемы правового общения охарактеризованы отдельные этапы модернизации отечественного суда, в процессе которой формировались основы правосудия.

Annotation: in the article the separate stages of modernization of domestic court, which bases of justice were formed in the process of, are described in the context of analysis of problem of legal intercourse.

Ключевые слова: суд, правосудие, судоустройство, судебный процесс, правовое общение, справедливость, формальное равенство, свобода, просвещение.

Key words: court, justice, trial, legal intercourse, justice, formal equality, freedom, enlightening.

Последние два десятилетия отмечены резким возрастанием интереса специалистов (юристов и историков) к ретроспективному анализу организации отечественного правосудия. И если в историографии предшествующих периодов особое внимание уделялось преобразованиям суда в ходе “Великой” реформы 1864–1899 гг., то начиная с 80-х годов XX в. появляются работы, в которых объектами исследования выступали судоустройство и судопроизводство (как составляющие правосудия) дореволюционного имперского периода².

Установление новых прогрессивных демократических основ организации правосудия в России Конституцией 1993 г. и законодательством, принятым в ходе судебной реформы, начавшейся в 1991 г. и по сути пока не завершившейся, проблемы связанные с реальным становлением независимой судебной власти и ее осуществлением на практике, в свою очередь, обусловили внимание к опыту отечественной юстиции. Однако и теперь в историографии преобладают работы, посвященные судебной реформе 1864–1899 гг. и созданным в ходе ее институтам судебного права.

Солидаризируясь с мнением большинства авторов, высоко оценивающих прогрессивность по-

следних, нельзя не отметить значения судебных реформ XVIII в. в России как необходимого этапа в процессе становления надлежащей организации правосудия.

Процесс модернизации отечественной юстиции был динамичным, и на большинстве его этапов она достигла (в целом или в отдельных своих элементах) определенных улучшений, обусловленных современными социально-экономическими, политическими и иными потребностями общества. Примеры этих достижений представлены в настоящей статье³.

Надлежаще организованное правосудие нуждается в первую очередь в соответствующих институтах судоустройства и судопроизводства. Требования, предъявляемые к последним: независимый самостоятельный суд, несменяемые судьи, гласность, публичность, состязательность процесса, формальное равенство свободных субъектов, справедливость и обоснованность решений и т.д. Отдельные институты и принципы судебного права были уже апробированы в ходе судебных реформ Петра I и Екатерины II. Так, например, первая попытка отделения юстиции от администрации и создание отдельных судебных органов и должностей были осуществлены в ходе реформ первой четверти XVIII в. Тогда же впервые появились специальные военные суды – кригсрехты. В этом проявились успехи модернизации юстиции, хотя и не ставшие долгосрочными. Как известно, в 30-е годы XVIII в. прошла контрреформа. Но опыт был получен и оказался полезным для вто-

¹ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, профессор (E-mail: vefremova@bk.ru).

² См., например: Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 гг. (Историко-правовое исследование). М., 1983; *Ее же*. Судоустройство России в XVIII – первой половине XX вв. (Историко-правовое исследование). М., 1993; Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / Отв. ред. Е.А. Скрипилев: М., 1992; Развитие русского права в первой половине XIX века / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. М., 1994 и др.

³ Статья является продолжением предыдущей, опубликованной в: Гос. и право. 2011. № 10.

рой попытки модернизации суда, проводившейся уже Екатериной II.

И если законодательство Петра I не вводило принципа формального равенства даже в исторически ограниченном выражении, то законодательство о суде Екатерины II воплотило уже идею формального внутрисословного равенства при создании местного сословного суда.

Сословные интересы и требования нашли выражение в петициях, наказах и других материалах, поступивших в законодательную комиссию 1767 г., созванную Екатериной II, осознававшей необходимость реформ суда и управления. Согласно Манифесту от 14 декабря 1766 г. созыв комиссии с участием выборных представителей от дворян, купцов и государственных крестьян должен был как бы возродить существовавшую ранее в России традицию земских и церковно-земских соборов для участия в кодификационных работах⁴. Формат диалога представителей общественности и правительства мог обеспечить правовую форму выработки проекта нового Уложения. По справедливому замечанию В.Н. Латкина, “вопросы о судоустройстве и судопроизводстве” занимали одно из самых видных мест в дворянских наказах, что, впрочем, вполне естественно ввиду крайне неудовлетворительного состояния судебных порядков в рассматриваемую эпоху, наглядную картину которых рисуют сами же составители наказов⁵. Следует напомнить, что критика была направлена прежде всего против организации суда, созданной в “период дворцовых переворотов”, т.е. в ходе контрреформ послепетровского времени, когда судебные функции осуществлялись одновременно с административными воеводами и губернаторами. Помимо других предложений дворяне в целом выступали за создание выборных судов. Депутаты от горожан и казенных, государственных крестьян предлагали аналогичные новации.

В комиссию помимо представителей правительства вошли и представители всех свободных сословий, поскольку в городских выборах принимало участие и духовенство⁶.

Для комиссии Екатериной II был составлен “Наказ”⁷, в первоначальной редакции которого

нашли отражение идеи европейской просветительской философии XVIII в., в том числе и из области правосудия, которые, однако, не были реализованы.

Комиссия не выполнила возложенной на нее основной задачи, но дала обширный материал для выявления интересов и настроений сословий по поводу модернизации управления и суда⁸.

В период работы комиссии выдающимся русским просветителем С.Е. Десницким – профессором юридического факультета Московского университета было подготовлено Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи, содержащее план государственных преобразований, косвенно направленных на ограничение самодержавия⁹.

С.Е. Десницкий считал необходимым, в частности, провести полное отделение судопроизводства от административного делопроизводства, ввести равный для всех сословий суд, гласность процесса, право обвиняемого на защиту и т.д.

Проектируя организацию “судительной власти”, С.Е. Десницкий опирался на английские и шотландские образцы. Так, например, прообразом предлагаемого им Совестного суда (единственное положение Представления, по-видимому, нашедшее отражение в Учреждениях для управления губерний¹⁰, на основании которых была проведена реформа суда) являлся английский суд справедливости, или канцлерский суд. Тожество проявлялось прежде всего в основаниях судебных решений, а не в его организации. Говоря об основах правосудия, С.Е. Десницкий, ссылаясь на соответствующие положения английского права, указывал, что необходимо “судить по истине и справедливости”.

Таким особенным по форме судом явился Совестный суд, созданный по высочайшему повелению императрицы Екатерины II. Особенными были его организация, компетенция, процессуальные нормы, которыми он руководствовался при производстве дел, установленные Учреждениями для управления губерниями. Этот закон состоял

⁴ См.: Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 31, 32, 39.

⁵ См.: Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII в. Т. I. СПб., 1887. С. 384.

⁶ Подробнее см.: Ключевский В.О. Соч. В 8-ми т. Т. V. М., 1958. С. 85, 86.

⁷ О политико-правовых идеях “Наказа” см.: Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 52–57.

⁸ Подробнее о работе и наказах комиссии см.: Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Т. I. СПб., 1887. С. 185–521.

⁹ См.: Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. СПб., 1905. Подробнее о взглядах С.Е. Десницкого см.: История политических и правовых учений XIII–XVIII вв. М.; Л., 1989. С. 321–327.

¹⁰ См.: Полн. собр. законодательства – 1. Т. I. № 14392 (далее – ПСЗ-1).

из двух актов, или из двух частей, изданных в разные годы, но включенных в Полное собрание законов Российской империи под одним номером¹¹. Первая часть была издана 7 ноября 1775 г., вторая – 4 января 1780 г.¹² Судебные положения содержались в обеих частях.

В результате Екатерининской реформы суд по-прежнему оставался одним из институтов государственного управления, но на местном уровне были созданы (отдельно от административных) судебные органы. Организация судебной системы по Учреждениям для управления губерниями, как отмечали исследователи, “представляет собою компромисс между стремлением отделить суд от администрации, создать отдельный суд для каждого сословия и сделать из начальника губернии око и ухо государя, надзор и власть которого одинаково распространяются на все стороны местной жизни”¹³.

Формально новая областная судебная система была создана как самостоятельная, отдельная, существующая параллельно системе местного правительственного управления в губернии и, соответственно, в уезде. По общему правилу в губернии были установлены две судебные инстанции: низшая – в уезде, высшая – в губернском городе, что должно было приблизить суд к населению. Членами судов являлись выборные представители местных “обществ”. Большинство судов были сословными. Однако появились и общие для сословий судебные органы – палаты гражданского и уголовного суда в губернии. Суды в целом оставались коллегиальными учреждениями. В соответствии с Учреждениями для управления губерний были созданы следующие местные судебные органы: 1) губернские – Палата уголовного суда, Палата гражданского суда, Верхний земский суд, Верхняя расправа, Совестный суд, Губернский магистрат, Сиротский суд, городские старосты и судьи словесного суда губернского города (все имели местом своего пребывания губернский город); 2) уездные – Нижний уездный суд, Нижняя расправа, Нижний земский суд, городские старосты и судьи словесного суда уездного города, Городовой магистрат, или Ратуша, Городовой сиротский суд¹⁴ (их местонахождение было в уездном городе).

Кроме того, в Санкт-Петербурге и Москве учреждались Верхний и Нижний надворные суды (выборных заседателей в них так же, как и в судебных палатах, не было).

В соответствии с сословным принципом организации суда Уездный и Верхний земские суды были созданы для дворян. Уездный суд являлся низшим звеном судебной системы и судом первой инстанции.

Апелляционной и ревизионной инстанциями по отношению к Уездному суду был Верхний земский суд. В губернии в зависимости от ее размеров могло быть несколько таких судов.

Верхнему земскому суду были подчинены уездные суды, дворянские опеки, земские суды его округа. В него поступали по апелляции на решения перечисленных органов все дела, жалобы и тяжбы дворян и на дворян, гражданские и уголовные, а также дела, касавшиеся вотчин, привилегий, завещаний, права наследования и исковые. В компетенцию суда входили также дела разночинцев, которые по правилам апелляции могли быть направлены из Уездных и Нижних в Верхний земский суд.

По всем указанным делам Верхний земский суд мог окончательно решать тяжбы при цене иска до 100 руб., в остальных случаях дела, решением которых были недовольны стороны, могли переноситься в вышестоящую судебную инстанцию – Гражданскую палату.

Все уголовные дела подлежали обязательной ревизии Уголовной палаты.

Для горожан учреждались также две судебные инстанции: Городовой магистрат и Губернский магистрат. Городовой магистрат, или Ратуша, являлся низшей (первой) судебной инстанцией для городских жителей или жителей посада.

В городах были оставлены также согласно Учреждениям для управления губерниями суды старост и словесные суды, действовавшие на основании прежних законов.

Апелляционной и ревизионной инстанциями для городских судов был Губернский магистрат, учрежденный в каждой губернии, причем в зависимости от размеров губернии могло быть открыто более одного такого суда. Губернскому магистрату подчинялись городские магистраты, сиротские суды и ратуши той губернии, в которой он был создан. Ему были подведомственны дела, касавшиеся привилегий, спорных владений либо “целого города” или возбужденные стряпчими, а

¹¹ См.: ПСЗ-1. Т. XX. № 14392.

¹² Об этом говорится в примечании к Закону (см.: ПСЗ-1. Т. XX. № 14 392. Прим.).

¹³ См.: Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Ч. 1. 1915. С. 199.

¹⁴ См.: ПЗС-1. Т. XX. № 14 392. ст. 412.

также апелляционные дела, поступавшие из городских магистратов, сиротских судов и ратуш.

Пределы подсудности губернского магистрата ограничивались территорией губернии, в которой он был учрежден.

Сиротский суд утверждался при каждом Городовом магистрате “для купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот”.

Уголовные дела, рассмотренные Губернским магистратом, подлежали ревизии Уголовной палаты, Гражданские дела могли быть решены им окончательно при цене иска до 100 руб., в остальных случаях недовольные его решением могли апеллировать в Палату гражданского суда.

Для суда над свободными крестьянами в уездах и губерниях были учреждены две судебные инстанции: Нижняя расправа и Верхняя расправа. Верхняя расправа учреждалась в качестве апелляционной и ревизионной инстанции для Нижней расправы.

Верхней расправе были подчинены Нижняя расправа, Нижний земский суд (в тех случаях, когда в губернии не было Верхнего земского суда)¹⁵.

Следует отметить, что в состав Верхних и Нижних судов наряду с коронными судьями входили выборные заседатели от соответствующих сословий.

В 1787 г. была дополнена и система сельской юстиции. Апелляционные жалобы на решения низших сельских судов подавались в Нижнюю расправу. Низшим сельским судам были подсудны лишь незначительные споры между крестьянами: “поношения”, споры, драки¹⁶.

В каждой губернии было создано по две судебные инстанции (уездной и губернской) для каждого из трех сословий. Таким образом, процесс законодательного оформления и закрепления сословного строя сопровождался созданием сословной юстиции. Это положение способствовало защите сословных законных интересов и обеспечивало внутрисословное юридическое равенство, являясь одним из условий правового общения участников судебного процесса. Однако этого условия было недостаточно вследствие сохранения розыскной формы судебного процесса, препятствовавшей реализации принципа

формального равенства, ставившего подсудимого в неравное со стороны обвинения положение в соответствии с действовавшей презумпцией виновности. Вместе с тем в так называемых особенных судах, Совестном и Словесном, процесс был по форме состязательным, а потому правовое общение, основанное на диалоге, было возможным.

Третьей инстанцией для каждой категории сословных судов был губернский общесословный судебный орган – Палата уголовного и Палата гражданского суда. Палаты занимали особое положение в судебной системе, являлись его центральным звеном. Это объясняется прежде всего тем, что они фактически заменили собой прежние центральные административно-судебные органы – коллегии, став во главе местной судебной организации. Вышестоящим по отношению к ним звеном (инстанцией) стал высший судебный орган в империи – Сенат.

Помимо сословных и всесословных общих судебных органов судебная система империи была дополнена судами “особенными”, упомянутыми выше.

К ним в первую очередь относился Совестный суд. Совестный суд представляет для исследователей особый интерес, поскольку принципы его деятельности в определенной мере отражали гармоничное соотношение категорий права и нравственности, формального закона и естественной справедливости.

Совестный суд в России, созданный для решения отдельных категорий дел, стоял вне общей системы судебных инстанций. Он состоял из назначаемого генерал-губернатором судьи и шести заседателей, избравшихся по два от каждого сословия (кроме крестьян). Судья должен был обладать следующими качествами: “способный, совестный, рассудительный, справедливый и беспорочный человек”. Заседатели избирались на трехлетний срок и могли принимать участие лишь в делах тех сословий, к которым принадлежали сами. Ими должны были быть “люди добросовестные, законы знающие и учение имеющие”¹⁷.

Совестный суд считался инстанцией, равной палатам, верхним судам и губернским магистратам. Вышестоящей по отношению к нему инстанцией могли быть так и не созданный как постоянное учреждение Высший совестный суд, а также Сенат, император.

¹⁵ Нижний земский суд осуществлял административно-полицейские функции. В состав Нижнего земского суда входил земский исправник и 2–3 заседателя (см.: ПСЗ-1. Т. XX. № 14 392. Ст. 223).

¹⁶ См.: ПСЗ-1. Т. XXII. № 16 603. Отд. I, II, V. С. 4.

¹⁷ См.: ПСЗ-1. Т. XX. № 14 392. ст. 63, 396.

Ведению этого суда подлежали гражданские дела, которые могли быть рассмотрены в примирительном порядке, а также следующие: 1) дела по преступлениям умалишенных и малолетних; 2) дела о колдовстве; 3) дела по жалобам за незаконное содержание в тюрьме.

Всесословность этого суда относительна: хотя дела лиц определенного сословия и решались коллегией равных им по сословной принадлежности, однако председательствующим всегда был коронный судья – дворянин, причем имеющий чин шестого класса. На общеимперском уровне верховного совестного суда не было.

Следует отметить, что судебную реформу Екатерины II, как и модернизацию суда при Петре I, отличали общие подходы: реорганизация проводилась, с одной стороны, с учетом отечественного опыта, предполагавшего некоторую преемственность лучших традиционных элементов юстиции, а с другой – при заимствовании прогрессивных зарубежных образцов Англии, Швеции, Германии. В данном случае можно предположить, что организационные основы и компетенция Совестного суда были установлены с учетом положений проекта организации “судительной власти” С.Е. Десницкого, опиравшегося на опыт Англии и Шотландии¹⁸.

Совестный суд сочетал в себе функции суда по малозначительным делам, третейского суда и отчасти прокуратуры. В своих решениях суд мог руководствоваться не только законами, но и “естественной справедливостью”.

Статья 397 Учреждения для управления губерниями возлагала на Совестный суд задачу “быть преградой частной, или личной безопасности”, а поэтому принципами его деятельности должны были стать: “1) человеколюбие вообще; 2) почтение к особе ближнего, яко к человеку; 3) отвращение от угнетения или притеснения человечества”. Для выполнения установленного правила – “Совестный суд никогда судьбы ничьей да не отяготит” – ему было поручено “осторожное и милосердное окончание дел”. В соответствии со ст. 400 Учреждений для управления губерниями решения Совестного суда должны основываться на следующих началах: “1) доставить обеим сторонам законную, честную и безбоязненную жизнь; 2) злобы, распри и ссоры прекратить; 3) доставить каждому ему принадлежащее; 4) облегчить

судебные места примирением спорящихся лиц”. В определенной мере Совестный суд выступал и гарантией законности задержаний, отдаленно напоминая процессуальные средства обеспечения, установленные английским законом, – Habeas Corpus Act.

Совестный суд оказался недостаточно эффективным. Дела в нем, так же как и в других судах, иногда не решались десятилетиями, о чем свидетельствуют данные, помещенные в журнале Министерства юстиции¹⁹. Тем не менее данный вид судов просуществовал около столетия, что объяснялось теми формально-гуманными и либеральными началами в организации и процессе, которые были провозглашены при их учреждении, хотя и не были полностью реализованы в сложившихся исторических условиях. Вместе с тем установленная его форма была условием правового общения.

Совестные суды предполагалось создать во всех губерниях, поэтому их можно считать окружными общеимперскими. Но были и другие особые суды, территориальная подсудность которых являлась исключительной и распространялась лишь на дела обеих столиц. Это Верхний и Нижний надворные суды.

Надворные суды разбирали дела лиц, пребывавших в Москве и Санкт-Петербурге по службе военной, придворной или гражданской, а также по собственным делам, касавшимся их промыслов или иных занятий, за исключением должностных преступлений. Уголовные дела подлежали обязательной ревизии Уголовной палаты. Недовольные решением гражданских дел могли жаловаться в Гражданскую палату или Верхний надворный суд²⁰. Надворные суды были нацелены на разрешение конфликта в форме, процессуально благоприятной для сторон.

Сближению правосудных интересов сторон в судах общей юрисдикции способствовал состав Нижних и Верхних (уездных и губернских) сословных судов, сформированных на основе принципа сочетания коронного и общественного элементов правосудия. Органы сословного самоуправления для дворян (дворянские собрания), горожан (общие городские думы), созданные в ходе реформы, и для крестьян-однодворцев (традиционные сходы) выбирали своих представителей в соответствующий сословный суд с определенным

¹⁸ См. об этом: *Ефремова Н.Н.* Изменения в судебной системе России во второй половине XVIII в. (Аспекты английского влияния) // Историко-правовые исследования: России и Англии. М., 1990. С. 23–34.

¹⁹ См.: Журнал Министерства Юстиции. Т. XVI. – СПб., 1863. С. 119.

²⁰ См.: ПСЗ-I. Т. XX № 14 392. Ст. 433–459, 472–489.

сроком полномочий²¹. Это несомненно в большей мере обеспечивало защиту интересов индивидов, принадлежавших к сословным корпорациям, с помощью их представителей, что особенно важно было в процессуальном противостоянии государству, интересы которого выражал коллегиальный по составу коронный суд. В силу значительной зависимости суда от администрации, фактически не преодоленной даже в условиях их институционального и функционального разделения, судьи не встали еще в идеальную обособленную позицию от государства, как об этом говорил, например, проф. П.И. Люблинский: “Суд есть явление, связанное только с правом. Он стоит вне государства, а порою и над ним”²². Вместе с тем включение общественности в таком формате в правосудие уже формально способствовало согласованию интересов личности, общества и государства.

Нельзя сбрасывать со счетов, что суд, являясь органом, призванным охранять от нарушения и защищать права и свободы личности, разрешать юридически значимые социальные конфликты, в то же время выступает средством применения государственного принуждения. Здесь интересно мнение Ф.А. фон Хайека: “Одна из аксиом традиций свободы состоит в том, что принуждение допустимо только ради благосостояния общества или общественных интересов” Однако размытость понятия “общественный или публичный характер законных целей правительственной власти” не исключает ее применения “в частных интересах”, поскольку можно “почти все, что угодно, объявить предметом общего интереса и заставить очень многих служить целям, в которых они никак не заинтересованы”. Понятие “благо государства”, продолжает фон Хайек, “можно наполнить любым содержанием, лишь бы оно отвечало интересам правящей группы”²³.

Это суждение в значительной мере отражает и фактическое соотношение личного, общественного и государственного интересов в российской организации суда эпохи просвещенного абсолютизма, по определению в большей мере предполагавшей такую его модель, которая покоилась бы на принципах равенства, гуманизма, свободы и других ценностях идеологии Просвещения.

Субъективным фактором, принижающим значение рассматриваемых судебных преобразований,

явилось то, что за модернизацией судостроительства не последовала реформа судопроизводства в судах общей и специальной юрисдикции. Тогда, как справедливо отмечают авторы трехтомника “Теория правосудия”, “Суд и закон могут быть сильны только правдой, которую необходимо обеспечить процессуальными и организационными средствами”²⁴.

Вместе с тем судебная реформа Екатерины II была этапом прогрессивного пути отечественного правосудия, поскольку в соответствии с Учреждениями для управления губерний более последовательно, чем по законодательству Петра I, проводился принцип отделения судебной власти от административной на уровне местного управления, что обеспечивалось созданием параллельно функционировавших систем местных административных и судебных органов; а участие общественного элемента в суде способствовало защите личности от произвола, хотя и в сословно ограниченных рамках.

В целом реформы, проведенные на основе Учреждений для управления губерний 1775–1780 гг., укрепили государственный аппарат эпохи просвещенного абсолютизма и предоставили ему возможность для более успешного выполнения административных функций. Созданные тогда судебные органы в большей мере удовлетворяли, обеспечивали реализацию правоохранительных функций, прежде всего в интересах двух привилегированных сословий дворян и горожан, нежели квазисуды губернаторов и воевод середины века. Это обусловило долгий период их существования – до Судебной реформы 1864 г.

Как справедливо отмечает О.А. Омельченко, “преобразования в области судостроительства” были составной частью тех общих перемен в государственно-правовой системе России XVIII в., которые знаменовали в ее политико-институциональной истории период просвещенного абсолютизма²⁵.

К тому же в судебных реформах как Петра I, так и его (в известной мере) последовательницы Екатерины II, попытавшейся отделить суд от администрации, проявились в большей мере, чем в иных государственно-правовых преобразованиях, черты просвещенного абсолютизма – наиболее прогрессивной модели средневековых монархий. Не преувеличивая результатов модернизации судебной организации данной эпохи, все

²¹ См. об этом подробнее: *Ефремова Н.Н.* Судостроительство в России в XVIII – первой половине XIX вв. (Историко-правовое исследование).

²² *Люблинский П.И.* Указ. соч. С. 32.

²³ *Хайек Ф.А. фон.* Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 169, 170.

²⁴ *Фурсов Д.А., Харламова И.В.* Теория правосудия. В 3-х т. Т. 1. М., 2009. С. 8.

²⁵ См.: *Омельченко О.А.* Указ. соч. С. 180.

же следует отметить, что ряд новаций судебного права создавал условия для правового общения пусть и в исторически-ограниченной его форме. Провозглашаемые в духе просветительства такие основания правосудия, как равенство, законность, охрана прав личности, справедливость, гуманизм, беспристрастность и высоконравственность судьи, тому способствовали.

Вместе с тем декларативные призывы к беспристрастности, нелицеприятию судьбы, т.е. тем качествам, которые известны с древнейших эпох и выражают идеал, правовые ценности правосудия, упоминавшиеся и в памятниках права, и в религиозно-нравственных трактатах Древнего Востока, источниках римского права, средневековых судебниках европейского права и др., в судах сословного государства фактически не соблюдались, за редким исключением. Примером такого исключения является примирительное судопроизводство. Причем речь идет как о «примирении противоборствующих притязаний», так и об уважении к «обеим волям, добросовестно проявляющим свою деятельность во внешнем мире», по выражению Б.Н. Чичерина, или о примирении интересов и лиц, противостоящих в процессе²⁶. Как справедливо отмечал Б.Н. Чичерин, это может быть предусмотрено законом, но «чаще это делает суд, который этим путем смягчает строгие требования права (закона. – *Н.Е.*) естественной справедливостью»²⁷. Буквально понимаемое примирение проходило в особой процедурной форме и представляло собой один из видов правового общения участников судебного процесса, в случае если оно было основано на началах диалогичности, эквивалентности, свободы, формального равенства и справедливости.

В этой связи история института примирения является для исследователей весьма интересной. К нему на протяжении тысячелетий эволюции суда (вероятно еще до возникновения государственного суда) обращались люди. Поэтому следует остановиться на анализе этого института, известного и российской юстиции всех исторических эпох. Учитывая многогранность этой проблемы, выберем один из ее аспектов – исторические этапы и формы примирения правонарушителя с потерпевшим в российском дореволюционном уголовном процессе в контексте признания его носителями государственной власти.

Как известно, в уголовном процессе преобладает публичное начало, что обуславливает вклю-

чение его в сферу публичного права. Это, однако, не исключает наличия в нем и частного начала, которое в различные эпохи, характеризующиеся особенными социально-экономическими и идеолого-политическими условиями в целом, а также формулой соотношения защищаемых правом частного, общественного и государственного интересов в частности, получает большее или меньшее значение. История уголовного процесса в отечественной и зарубежной юстиции начиналась с господства в нем частного начала и нераздельности видов процесса, иначе говоря, совпадением уголовного с гражданским. Главной целью юридической ответственности, в том числе наказания, было возмещение вреда, морального, физического или материального.

Институт примирения встречается уже в ранних памятниках русского права: Русской Правде, Судных грамотах, Судебниках и Соборном Уложении.

Однако в законодательстве Петра I примирение стало исключением, зато правилом стал донос, т.е. публичный способ возбуждения судебного преследования. Основанием для исключения были деяния, осуждение за которые возможно было лишь по частному обвинению. Так, например, ст. 170 Артикула Воинского, утвержденного 26 апреля 1715 г., предусматривала случай примирения, придавая ему значение смягчающего вину обстоятельства и не освобождая от наказания. В официальном толковании к статье говорилось: «Ежели невинной супруг за прелюбодеющую супругу просить будет и с нею помиритца... то мочно наказание умалить»²⁸.

В законодательстве Екатерины II в духе просветительских гуманистических идей было предусмотрено примирение по особым категориям дел, подсудным Совестному суду, однако это уже относилось лишь к гражданским спорам, примирительный порядок был регламентирован и предусматривал возможность участия посредников²⁹.

Вместе с тем положения о примирении уголовного законодательства Алексея Михайловича и Петра I оставались действующими. Однако в условиях изменения взглядов законодателя на сущность преступления и определения его не только как вреда, причиненного частному или публичному правоохраняемому интересу, но и как посягательства на верховную абсолютную волю неограниченного во власти монарха, вы-

²⁶ См.: там же. С. 101.

²⁷ См.: там же.

²⁸ Российское законодательство. Т. 4. М., 1986. С. 360.

²⁹ См.: Ст. 400 Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. // Там же. Т. 5. М., 1987. С. 275, 276.

раженную в законе, наказание стало осуществляться в интересах прежде всего публичных, а не частных, вследствие чего сфера примирения стала сужаться. К тому же, как отмечал А.Ф. Бернер, примирение стало возможным “тем реже и исключительнее, чем чаще и обильнее сделалась повинность доноса”³⁰.

Аналогично характеризовал ситуацию и классик российской уголовно-правовой доктрины А. Лохвицкий: “Преступление потеряло частный характер; оно признается поэтому нарушением общественного интереса; преследуется общественной властью и помимо жалобы или желания потерпевшего лица. Это одно из важнейших отличий между новой и старой эпохой уголовного права”³¹.

Исключением из этого правила были деяния, преследования и наказания за которые были возможны по заявлению частного лица: против чести и достоинства, семьи и нравственности и некоторые другие.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. примирение оставалось еще возможным до исполнения приговора. Со временем перечень составов, возбуждение дела по которым зависело от жалобы потерпевшего, менялся, регулирование дел частного обвинения было отнесено к уголовно-процессуальному законодательству.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. (ст. 160) предусматривало отмену наказания в случае примирения обиженного с обвиняемым³². Это распространялось на дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего (частному обвинению), такие как нанесение легких ран, письменная клевета, обольщение незамужней женщины торжественным обещанием на ней жениться, жестокое обращение мужа с женой и наоборот, прелюбодеяние, упорное неповиновение детей родителям, плагиат.

Однако согласно ст. 162 отмена приговора о наказании по основанию примирения была возможна лишь до исполнения приговора и за исключением ряда преступлений: оскорбление подчиненными начальства, изнасилование и обо-

льщение, самовольное лишение свободы, противозаконное вступление в брак³³.

Таким образом, к середине XIX в. по общему правилу преступления наказывались без учета воли частных лиц – потерпевших, готовых к примирению, поскольку обиженным признавалось не частное лицо, а общество в целом³⁴. Н.Д. Сергиевский, говоря о более позднем периоде, отмечал, что “всякое нарушение права отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное, поэтому всякое причинение вреда в наше время мыслится как преступное деяние против всего общества, хотя бы оно нарушало ближайшим образом только интересы частного лица”³⁵.

В конце имперского периода примирение потерпевшего с обидчиком как основание, погашающее наказание, стало носить характер редкого исключения, допускалось лишь в так называемых исковых, или неофициальных, преступлениях. Уголовное преследование здесь ставилось в зависимость от воли пострадавшего, поскольку в них “элемент частный до того преобладает над общественным, что за вычетом из них частного элемента в остатке получится столь мало важная вина в отношении к обществу, что и карать ее не стоит”³⁶.

Подводя итог, следует сказать, что институт примирения в российском дореформенном уголовном процессе характеризуется следующими чертами: 1) примирение выступало как основание освобождения от наказания либо для смягчения его; 2) примирение призвано было удовлетворять частный интерес, но, вместе с тем, обеспечивало и общественный интерес, защита которого возлагалась на публичные судебные органы, освобождаемые от соответствующей обязанности волей частных лиц; 3) в целом примирение с потерпевшим – это исторически сложившееся частное начало в публичном праве, известное не только российской правовой системе.

Таким образом, при некоторых различиях в основаниях, последствиях, процедуре примирения общими оставались прежде всего наличие и выражение воли на то со стороны потерпевшего и эффект института – умиротворение участников

³⁰ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права (Прим., прилож. и доп. Н. Неклюдова). Часть Общая. Т. 1. СПб., 1867. С. 907.

³¹ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. Т. 1. СПб., 1867. С. 226.

³² Примирение обиженного с обидчиком рассматривалось как одно из обстоятельств, “погашающих наказание” (см.: 2 ст. 16 Уложения 1845 г.).

³³ См.: Российское законодательство. Т. 6. М., 1988. С. 323.

³⁴ См.: Учебник уголовного права / Сост. В. Спасович. Т. 1. СПб., 1863. С. 313.

³⁵ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1904. С. 52.

³⁶ См.: Симонова Е.А. Примирение с потерпевшим в российском законодательстве и теории / Под ред. Б.Т. Разгильдяева, М., 2004. С. 53; Учебник уголовного права / Сост. В. Спасович. Т. 1. С. 314.

конфликта. И в современной юриспруденции большое число специалистов рассматривают примирение преступника с потерпевшим как наиболее приемлемую альтернативу уголовному наказанию. Сторонники такой точки зрения обосновывают ее следующим образом: “Государство не должно без особой на то надобности вмешиваться в личные отношения граждан. У каждого гражданина должно остаться право самому решать вопрос о необходимости обращения в суд за защитой своих прав либо о прекращении судопроизводства на любой стадии процесса, когда конфликты между людьми могут быть решены и без вмешательства государственных органов”³⁷.

Примирение с потерпевшим, так же как и приговор суда, разрешает конфликт, однако другим способом, а следовательно, способствует правосудию, являясь при этом частной альтернативной его формой, что вполне соответствует актуальной задаче гуманизации уголовного права и процесса.

Вышесказанное позволяет оценивать процедуру примирения как вид правового общения в суде. Вместе с тем последнее возможно лишь при признании формального равенства сторон в процессе, эквивалентности их взаимных уступок в споре или компенсации за содеянное в пользу потерпевшего, справедливом разрешении спора или конфликта, свободном выражении воли каждой из сторон. Однако в случаях отсутствия признания равенства участников процесса, выражающих разные, не совпадающие частный и публичный интересы, разрешение споров и конфликтов путем примирения на справедливых основаниях невозможно.

Примирение в гражданском процессе имеет более широкое применение.

Примирение известно, разумеется, не только российской модели правосудия. Его примеры имеются в памятниках права и действующих в современности формально-юридических источниках разных стран и народов.

Вместе с тем истории суда известны и другие средства выравнивания интересов противоборствующих сторон в процессе. Речь идет о суде присяжных, выражающем интерес общественный, соответствующий принципу справедливости, а также нравственным ценностям социума, и, соответственно, обеспечивающий поддержку

и защиту индивида, в одиночку противостоящего государству – обвинителю, в случаях когда интересы личности и общества совпадают. Но есть опасение, что государство в лице суда в своем решении будет чинить произвол, следуя неким своим отличным интересам.

Анализируя исторические и современные модели организации отечественного правосудия, следует отметить, что участие общественного элемента в суде как гаранта от произвола государства является одним из факторов, определяющих его надлежащую организацию. Вместе с тем такая его форма способствует налаживанию правового общения участников процесса.

История свидетельствует, что на ранних этапах человеческого общества правосудие в целом осуществлялось частными лицами. С появлением государства оно стало одной из важнейших его функций. При этом частные способы разрешения конфликтов и восстановления нарушенных субъективных прав, удовлетворения исков, возмещения причиненного морального и материального ущерба постепенно заменялись публично-правовыми. Однако при доминировании публичного начала над частным последнее продолжало существовать в той или иной форме и мере.

Вместе с тем, эти форма и мера были обусловлены и обоснованы степенью демократичности государственного механизма и развитостью гражданского общества. Мировой истории юстиции известны две модели участия общественности в публично-организованном правосудии: суда шеффенов и суда присяжных. В отдельных случаях сохранялась собственно общественная форма суда, например третейского, удельный вес которой в правосудной деятельности был незначителен.

В данном случае хотелось бы остановиться на такой проблеме, как форма участия общественности в отечественном правосудии применительно к рассматриваемому историческому периоду развития Российского государства, что отражает и достигаемые поэтапно уровни развития правового общения в суде.

В период становления абсолютизма в рамках общей бюрократизации государственного аппарата общественность была по сути отстранена от участия в правосудии, однако в эпоху просвещенной монархии при проведении охарактеризованной выше судебной реформы Екатерины II ей вновь вернули эту роль.

В ходе данной модернизации судебной системы была учреждена такая модель участия обще-

³⁷ Лянго Л.Н. Примирение с потерпевшим, его уголовно-правовое и процессуальное значение: исторический анализ // Проблемы права и социологии. Межвуз. сб. научн. статей. Волгоград, 2002. С. 22.

ственности в суде, как шеффены, при которой выборные заседатели от сословий составляли единую коллегия с коронными судьями в местных сословных инстанциях, а на губернском уровне – и в Совестном суде. На общеимперском уровне в судебных органах сословные заседатели не вводились.

В эпоху просвещенной монархии такая форма суда отвечала интересам привилегированных сословий, правовой статус которых был, наконец, законодательно оформлен Жалованными грамотами дворянству и городам 1785 г. Новыми ценностями правосудия, как уже отмечалось, наряду с иными были признаны сословное процессуальное равенство, элементы выборности в судебной организации, сословный характер которой являлся гарантией суда, равного для каждого из сословий.

Предложения по введению представителей общестственности в судебные органы содержались и в проектах русских просветителей, например уже упомянутого Семена Ефимовича Десницкого. Предлагаемый им суд присяжных был аналогичен современному ему шотландскому. Участие в суде представителей общестственности уравнивало бы позиции обвиняемого (подсудимого) и противостоящего ему суда – представителя государства. Так, предлагая учредить суд присяжных, С.Е. Десницкий писал: “Для явственной справедливости суда неизменно б было, если б монархи российские соблаговолили узаконить по примеру английскому выбирать из сорока человек посторонних пятнадцать свидетелей на вспоможение и оправдание судьями при исследовании дел криминальных и тяжбных...”³⁸. Однако это предложение не было воплощено в жизнь, и участие общестственности в отправлении правосудия было выражено в иной форме.

Как показано выше, заседатели от сословий участвовали в местных судах уровня городского, уездного и губернского наряду с коронными судьями.

Участие выборных от сословий заседателей в судебных сословных судах обеспечивало в известной мере принцип формального равенства в организации правосудия в ограниченных сословных рамках, являя собой до некоторой степени демократический элемент. Однако оппозиционность общестственности к потенциальному произволу коронного суда была, разумеется, условной. Нельзя при этом не отметить, что широкое пред-

ставительство свободного населения в сословных судах было одним из основных достоинств созданной при Екатерине II судебной системы, в целом просуществовавшей до судебной реформы 1864–1899 гг.

В ходе последней был введен суд присяжных. Известно, что этот институт участия общестственности в суде при своем зарождении был нацелен лишь на решение вопроса о факте, если вспомнить английскую модель. Вместе с тем при всех несовершенствах суда присяжных он и в настоящее время признается наиболее важной гарантией подсудимого в его состязании с государственной юстицией, произвол которой все же пока не исключен: процессуальное состязание индивида с представителем коллективного, облеченного публичной государственной властью субъекта требует поддержки первого со стороны общества. Вместе с тем дальнейшего совершенствования и модернизации требует не только институт суда присяжных, но вся организация отечественного правосудия, причем не только в институциональном, но и процессуальном аспектах.

Дело в том, что правовое общение в суде обеспечивается не только надлежащей, основанной на правовых началах его институциональной формой, но в не меньшей степени и процессуальной формой.

Истории суда известны две основные процессуальные формы: состязательная (обвинительная) и следственная (инквизиционная, розыскная). Первая, очевидно, в большей мере гарантирует правовое общение. Однако это не безусловно.

Как известно, состязательная, или обвинительная, форма судебного процесса была исторически первой. По мере роста влияния государства на отправлении правосудия, прямого вмешательства, а впоследствии почти полной монополизации этой деятельности (в эпоху Средневековья) зародился и постепенно вытеснил первую форму розыскной, или следственной, инквизиционный процесс. Формы процесса отличались следующими особенностями: 1) инициатор возбуждения судебного разбирательства; 2) роль истца, ответчика, судьи в процессе; 3) правило делопроизводства; 4) виды и оценка доказательств.

В большей мере правовое общение может обеспечить состязательная форма процесса, и, вместе с тем, розыскная форма процесса зародилась не только в связи с увеличившимся интересом государства к судебной деятельности и превращению

³⁸ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII в. М., 1959. С. 109.

суда в карательный орган, но и вследствие тех недостатков, которые были свойственны состязательному процессу в средневековых государствах.

Вместе с тем условием правового общения в суде являются как надлежащее судоустройство, так и судопроизводство. Дисгармония этих составляющих правосудия не дает гарантий правового общения.

Суд имеет историю продолжительностью около пяти тысячелетий. Модели организации суда многообразны. Выбор и характер их определяют рядом объективных и субъективных факторов: эпохой, типом цивилизации, системой материальных условий и духовных ценностей, утвердившейся в конкретно-временной период определенного политически-организованного общества, правопониманием и правосознанием их творцов и т.д.

В рамках ограниченного объема статьи трудно охватить все стороны и аспекты такого сложного многомерного явления, как правовое общение в правосудии. Однако очевидно, что общими принципами этих двух феноменов правового бытия являются формальное равенство свободных участников взаимодействия в процедурах разрешения конфликтов и споров с целью достижения

справедливого их окончания и выполнение требований закона.

Очевидно, что в рассматриваемый период российская юстиция не отвечала стандартам надлежащей организации. Однако в ходе реформ судоустройства и менее значительных изменений в судоустройстве был достигнут исторически ограниченный, но, тем не менее, заметный прогресс в осознании необходимости введения таких начал правосудия, как справедливость, гуманизм, защита прав личности, участие общественности в процессе, внутрисословное формальное равенство и др., декларированных законодателем и отчасти воплощенных на практике. Это позволяет также отметить появление новых судебных средств, необходимых для формирования правовых форм взаимодействия, общения лиц, заинтересованных в правосудии.

В заключение следует отметить, что в ходе произведенных в рассматриваемый период судебных преобразований были заложены, хотя и формально, основы более прогрессивной модели юстиции, которые в значительной мере были развиты и воплощены в законодательстве и даже на практике в эпоху “Великой” судебной реформы 1864–1899 гг., создавшей (в известной мере) образец для современных.